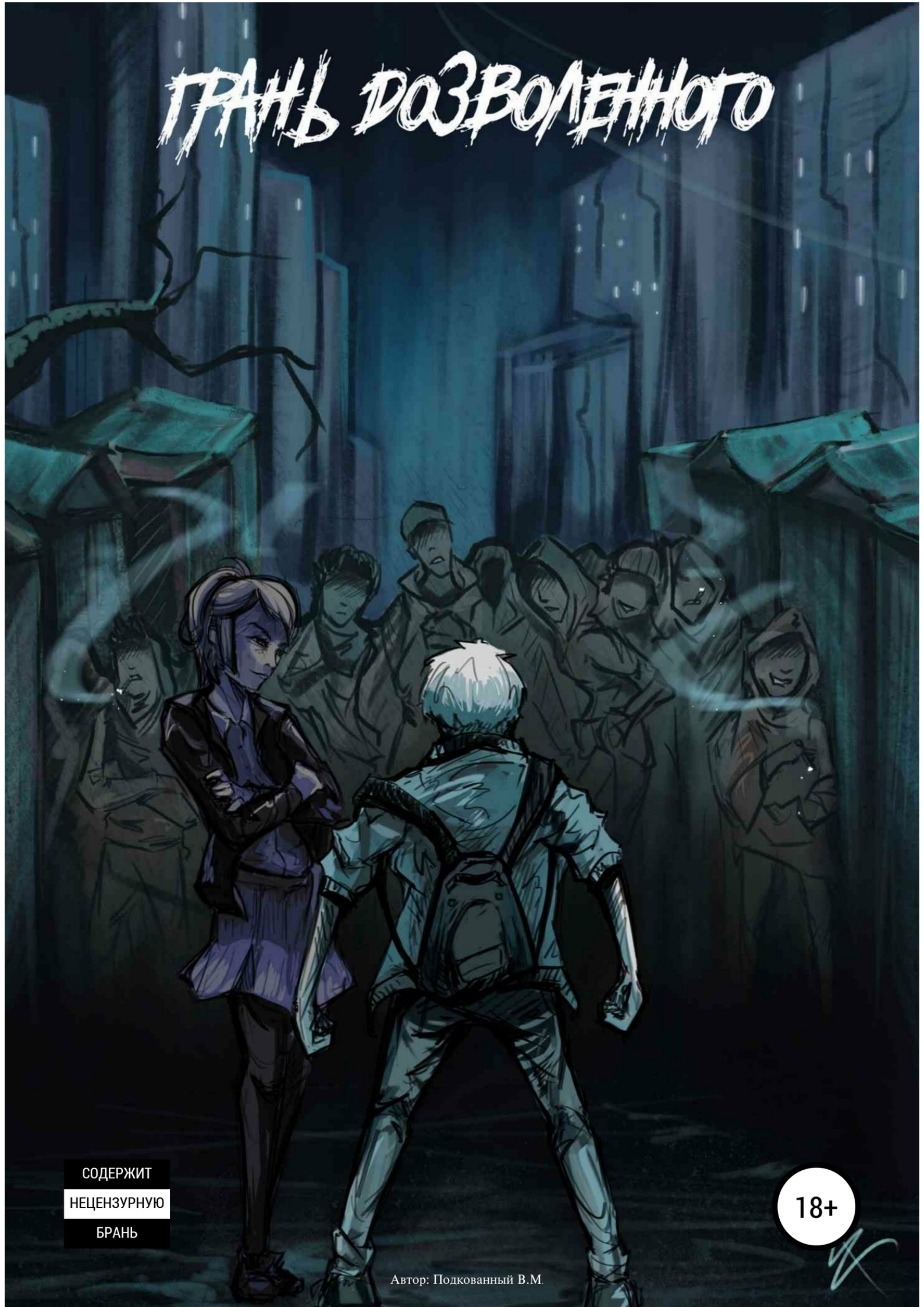

ГРАНЬ ДОЗВОЛЕННОГО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Автор: Подкованный В.М.

Василий Подкованный
Грань дозволенного

«Автор»

2020

Подкованный В. М.

Грань дозволенного / В. М. Подкованный — «Автор», 2020

В одну из московских школ в начале года переводится новенькая. Погруженные в подготовку к экзаменам ученики даже бы не заметили этого, если бы не стремительно развернувшиеся события, бороздой разделившие класс. Главный герой - одиннадцатиклассник Григорий Рокотов, вместе со своими друзьями оказывается втянут в круговорот травли, жестокости и вседозволенности. Экзамены отходят на второй план - главной задачей теперь является сохранение собственного достоинства и своей личности. Своей человечности...Содержит нецензурную брань.

© Подкованный В. М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

«Знаешь, как пахнет сгоревший человек? Сладко. Сладко, как сама жизнь». (с)
Начальник караула одной из подмосковных частей.

1.

– Ты как?

Яркий свет люминесцентных ламп слепил. Щуря не забинтованный глаз, я различил знакомую, такую родную сутуловатую фигуру отца.

– Бывало и лучше, – сипло отозвался я. Зашитый висок гудел, под наложенным гипсом болезненно ныла рука.

– Угу, – Отец, сложив локти на коленях, изучал расплзающуюся паутину трещин на больничном кафеле. Помолчали. Где-то вдалеке слышался визг каталки, глухой говор медсестры на посту.

– Что ж, теперь давай поговорим по душам. Без утайки, – Отец гулко закашлял. – Как батя и сын, как мужик с мужиком.

Он перевёл на меня свой взгляд – твёрдый, уверенный, предлагающий поддержку. Так отец смотрел на меня в детстве, когда у меня получалось что-то из рук вон плохо. А случалось это часто. Я нехотя улыбнулся разбитыми губами.

– Ну, не тяни kota за хвост, – прерывая паузу, поторопил меня отец. – Пока врач заполнит все эти бумажки, пройдет много времени. Спешить некуда, так что приступай.

– Лады, – потирая виски, сказал я. – Два месяца назад...

«Сколько лет, сколько зим», – Набатов застучало в висках. Память услужливо достала из своих закровов необходимые воспоминания. – «Сколько лет...»

– ...сколько зим, Марина Евгеньевна! – послышался со стороны кабинета директора приятный баритон. Я лениво скосил глаза вбок.

Все мои одноклассники всё ещё спали на своих ортопедических матрасах и видели седьмой сон, когда я уже поднимался к первому уроку. Который был отменен. Одним словом, уснуть на скамейке в школьном вестибюле мне мешала только душившая меня досада.

– Игорёк! Нет, а как подрос, как возмужал! – радостно зачастила в ответ директриса. Я прислушался. Дверь кабинета была открыта нараспашку, благо в вестибюле не было ни одной живой души. Я прекрасно видел и слышал происходящее внутри.

– Ничего если на «ты»? А то как-то неудобно даже – весь такой в костюме, деловой! – шутливым тоном продолжала директриса. – Да ты садись-садись, Игорь Степанович, вот туда. Уж извини, кондиционер в ремонте, немного жарковато. Кофейку не хочешь?

– Не откажусь, – отвечал собеседник – поджарый, коротко стриженный мужчина в ладно пошитом костюме. – Я к вам по делу.

– Внимательно тебя слушаю, Игорь, – кивнула директриса, после чего обратилась к секретарю. – Нина, будь дора, сообрази холодного кофейку на двоих!

Цокая каблучками, к столику подошла секретарша, аккуратно переставив чашки с подноса на стол.

– Так вот, Марина Евгеньевна, – размешивая сахар и кубики льда ложечкой, произнес незнакомец. Его голос звучал спокойно, властно. – На днях я с семьёй переехал на старую квартиру, – Мужчина отхлебнул немного. – Хороший кофе. Так вот – хотел к вам свою дочку пристроить. Она в одиннадцатый класс пойдёт, окажете радушный приём?

– Приводи свою дочурку, Игорь, – Директриса качнула роскошной шевелюрой. – Возьму на поруки – ни дай Бог кто обидит! Хотя... – Она улыбнулась. – Если нравом она пошла в тебя, бояться ей нечего. Помнишь, Игорёк, сколько раз я тебя притаскивала в этот кабинет? Ох, быть твоей классной руководительницей было тем ещё «удовольствием»!

– Что верно, то верно, факт, – рассмеялся мужчина. – Где мои семнадцать лет, а, Марина Евгеньевна? За услугу спасибо, с меня причитается. А сейчас дела не ждут. – Незнакомец торопливо встал, расправляя полы пиджака.

– Приятно было тебя увидеть, Игорь, – сверкнула белозубой – результат сбора на «украшение школы» – улыбкой директриса. – Ты почаще заходи – поговорим за кружечкой кофе о том о сём. Насчёт просьбы своей не волнуйся – за мной не заржавеет.

Скрипнула входная дверь, и всё стихло.

Несмотря на начало года, нас сразу же взяли в оборот подготовкой к грядущим экзаменам, буквально заваливая тестами, модулями и пробниками с первых же дней. За всей этой канителью, события вчерашнего дня забывались на раз-два – настолько все было однотонно, как осенний дождь.

На дворе сентябрьской слякотью стоял 2016-й год. Никогда не спящая Москва гремела, задыхалась в выхлопах и смоге, но не на секунду не замедляла свой бешенный ритм. Временами не хватало времени даже на то, чтобы остановиться и подумать. Будущее в свои семнадцать лет я видел туманно, не мог определиться с тем, что мне нравится.

За омутом школьных будней, брезжила назначенная цель – поступление в какой-нибудь престижный вуз или институт после сдачи экзаменов. Или отправка в армию, где я до отупения буду маршировать по плацу и начищать туфли какого-нибудь подполковника. Но сейчас об этом думать не хотелось.

Я родился и вырос в Москве, где можно найти всё, что хочешь. Это подтверждали толпы людей, стекающих сюда со всей России. Они бились и рвались тут, чтобы ухватить кусочек жилплощади в одной из новостроек, активно строящихся по всей Москве. Мне это досталось даром, но особо радости в этом я не видел – сколько себя помнил, не любил этот кипящий котёл.

Поэтому не понимал, как семьи многих моих одноклассников бились в бесконечных кредитах, как рыба в сетях, чтобы, потеряв с десятков лет своей жизни получить однушку где-нибудь на окраине, посреди миллиона таких же серых бетонных клетушек.

Из огромного количества вариантов и возможностей, что давала мне Москва, я никак не мог определиться, что нужно мне самому. А время продолжало своей неспешный ход, и всё так же по утрам я просматривал новостную ленту по утрам, трясясь в вагоне метро.

Спустя неделю, я как обычно плёлся по коридору в сторону класса. Как всегда – слишком рано, чтобы выспаться. Уже собираясь потянуть ручку двери, как навстречу мне вывалился мой горемычный товарищ по парте – Миша «Димедрол» Дементьев.

– Ты где мотаешься, блин? – простужено пролаял он, впопыхах подавая мне руку.

Я отшатнулся от него, смерив настороженным взглядом. По своему обыкновению, я приходил в школу одним из первых. Нет, я не был жаворонком, и стахановцем тоже не числился. Причина была прозаичнее – приходящая в это же время староста, и её аккуратные, чистые, как свежевывстиранная рубашка, конспекты, спасающие меня от засилья преподавателей. Особенно – от физички Марьи Юрьевны, что снилась со своими законами Ома и прочими Борами-Фарадеями даже самым отпетым разгильдяям. Именно таким был Дементьев, а потому увидеть его здесь в такой ранний час было, как минимум, необычно.

– А что случилось-то? – удивленно протянул я, пожимая руку в ответ. – Чего в такую рань приполз?

– Так тебя дождаюсь, – словно озаренный воспоминанием, Дементьев хлопнул себя по лбу. – Меня тут историчка прижала, не поделишь конспектами?

Я молча достал из рюкзака тетрадь, протянув её Мише.

– Дай Бог тебе здоровья, – кривляясь, на манер старух-нищенок возле метро, елеяно проскрипел он.

– Как допишешь – вернешь.

– Нет, блин, на туалетную бумагу пушу, – передразнил Мишка. – Самое им место. И чего тебе эта история сдалась, технарь хренов?

– Пошевеливайся давай, а то самому скоро понадобятся – сегодня опрос.

– Умеешь ты испортить настроение, – словно подавившись лимоном, скривился «Димедрол». – Сегодня, кстати, должна новенькая заявиться.

– Это какая? – переспросил я.

– Обыкновенная, с штанами, – раздраженно осадил Мишка, зло сверкнув глазами. – Сам же мне про неё рассказывал, а сейчас глазами хлопаешь.

– А, ты об этом...

Честно сказать, времени прошло изрядно, и я успел забыть про разговор, слышанный тем утром.

– Ага. Ну ладно, бывай, – Круто развернувшись, Дементьев удалился на задние парты.

Я, быстро переписав конспекты, сёл на своё место. Из-за мгlistых туч, наконец, показалось солнце – бабье лето в этом году было как шкура зебры, чередуя теплые и холодные дни. На часах было двадцать минут девятого, когда порог кабинета переступила классная, принявшись заполнять журнал. До начала урока оставалось каких-то десять минут, а новенькой всё не было видно. Моя голова принялась клониться набок, глаза слипались. Семь минут, пять, три, одна...

Звонок заставил меня нехотя разлепить глаза, уставившись перед собой. Гул стих, все взгляды, отвлекшись от социальных сетей, устремились в сторону доски, у которой стояла новенькая.

Она была нашей ровесницей, хотя казалась чуть старше. Высокая, статная. С каким-то вызовом смотрела она на класс светло-голубыми, слюдяными глазами. Каштановые волосы были собраны на затылке в греческий узел. Школьная форма сидела на ней, как влитая, ладно облекая и подчеркивая всё прелести молодого, пышущего здоровьем тела.

– Ребята, вы, наверное, уже слышали, что к нам переводится новенькая, – постучав по столу папкой с бумагами, Елена Пална встала, выходя вперед. – Представляю вам Станиславу Ясенеvu – с этого дня она будет учиться с вами, так что прошу любить и жаловать.

По классу пробежал шепоток. Староста хмыкнула.

– Ну что ж, – Классная дама замялась, но через мгновение уже бойко продолжала. – Садись где хочешь.

Девушка коротко кивнула, после чего проследовала на первый ряд, присев впереди меня.

– Ну, а теперь вернёмся к теме нашего урока, – Классная раскрыла журнал...

Звонок прозвенел как нельзя кстати, и я, смешавшись с толпой, отправился в столовую. Растволкав добрый десяток третьеклассников, я всё-таки смог урвать тарелку с макаронами и парой чахоточных сосисок. Пробившись сквозь толпу, я сел к столу, за которым, по обыкновению, собиралась наша компания.

– Приятного, – Я грузно осел на скамью.

– И тебе того же, и по тому же месту, – крикнул Димедрол.

Я принялся есть, не особо вслушиваясь в треп одноклассников о учёбе, каникулах и новостях. Но когда рыжий, словно позлащённый солнцем Акимов с усмешкой поинтересовался у Долофеева, что он думает о новенькой, я прислушался.

– А что о ней думать? – отмахнувшись вилкой, с набитым ртом ответил Ванька. – Новенькая и новенькая, нормальная, вроде, девка. Правда, борзая.

– С чего такие выводы?

– Да так, успели парой слов перекинуться, пока по коридору шли, – Долофеев ожесточенно почесал репу. – Резкая, как понос.

– Приятного аппетита, – едко сыпанула староста Простая, отставляя тарелку в сторону. Кто-то сдержанно хихикнул, однако Мишку это не сколько не остановило, но и подстегнуло. Широко улыбнувшись, он усмехнулся:

– А с тобой, Ванька, иначе никак. Ходи, да подтирайся!

– Пошёл бы ты, шутник хренов, – сказал, как плюнул, Долофеев. После чего встал, и под залиvistый хохот уже не сдерживающегося «Димедрола», пошёл на выход.

Последующие несколько дней, Стася вела себя спокойно. На уроках держалась хорошо, доходчиво объясняя предмет, показывая себя как неглупую девчонку. Но очень заносчивую и высокомерную.

Конспекты она не вела, предпочитая этому запоем читать какого-нибудь Шиллера или Лондона. Сидя на парте позади неё, я, бывало, сам зачитывался её книгами, что иногда выходило мне боком.

Это было как минимум непривычно – видеть в руках красивой девчонки том какого-нибудь Канта. Как относительно ровесниц – если и читающих, то только блоги в инстаграме – так и относительно большинства, волнуемого лишь вопросом «словить кайф».

Художественная литература, философия, психология... как-то раз в руках Ясеновой я даже увидел астрономическую энциклопедию – по заголовку статьи я понял, что речь идёт о чёрных дырах. Увлечение космосом тоже было неоднозначным – сейчас редко кто поднимал голову от экранов своих смартфонов, а если и поднял, то увидел бы загазованное московское небо. И тут же вернулся бы к изучению блогов и смешных картинок.

Мне тоже нравился космос. В детстве я читал справочники и энциклопедии по звёздному небу. Даже клянчил у родителей купить мне телескоп, в чём мне было отказано. Зато не было отказано «посмотреть на звёзды» – посадив меня к себе на плечи, отец привёл меня в московский планетарий. Моему счастью тогда не было предела.

– Как думаешь, вселенная бесконечна? – спросил я у Стаси шёпотом. Это был предпоследний урок русского языка – скучный и унылый, как тетрадь в линейку. По своему обыкновению, раздав задания, Светлана Викторовна, преподававшая нам русский, принималась за свои ногти. Или наводила марафет перед зеркальцем. Выполнив задание, можно было спокойно заниматься своими делами.

– Маловероятно, – чуть погодя ответила Стася. – Всё имеет начало и конец.

– Однако, у всего есть исключения. Взять тот же луч, например. Линия, имеющая начало, но не имеющая конца...

– Это всего лишь определение, – Девушка чуть повернулась ко мне. – Рано или поздно, луч света, сколько бы световых лет он не прошёл, упрётся во что-нибудь, обозначив свою конечную точку. Или попадёт в чёрную дыру.

Она окинула меня неопределённым взглядом, после чего вернулась к чтению.

«Неужели она уверена, что свет заканчивается и прекращает своё существование внутри чёрной дыры? – подумал я, глядя на её затылок. – Вряд-ли это будет его конечной точкой. Закон о сохранении энергии никто не отменял».

Что думала на данный счёт сама Стася – я знать не мог. Но почему-то мне казалось, что её мысли были неоднозначны.

После этого разговора целую неделю мы не общались. Школьные будни потекли привычным чередом.

Как и всегда, когда меня посылали за журналом физрук, я шёл не спеша. Время было уже далеко за полдень, и в учительской, как и в залитом солнцем коридоре никого не было. В открытое окно, играя цветастыми занавесками, дул тёплый ветер. Пахло чаем и картоном.

Взяв журнал со стола, я удалился. Пройдя дальше по коридору, я, уже собираясь свернуть на лестничный пролёт, увидел Стасю.

Она сидела на залитом осенним солнцем подоконнике, углубившись в чтение и не обращая на меня никого внимания.

– Что читаешь? – нарушил тишину я.

Стася, оторвавшись от чтения, повернулась ко мне. «Чего тебе нужно, мракобес?» – отпечаталось в её остром взгляде.

– Книгу, – Был мне лаконичный ответ.

– И как? – Я вмиг почувствовал себя неловко. – Интересно?

– Смотря кому.

– Тебе, например.

– Раз я читаю, да ещё и на такой странице – наверное, интересно, – Стася смерила меня раздражительным взглядом, после чего вновь вернулась к чтению.

– Ну, не всегда, – Сконфуженно чеша затылок, протянул я. На такой резкий выпад я не рассчитывал. – Например, начинаешь ты читать какую-нибудь расхваленную книжку. Начало очень даже неплохое, и сюжет есть, и завязка, а потом вдруг бац!

– Бац? – Девушка вопросительно посмотрела на меня.

– Ага, как по лбу удар – и ты понимаешь, что к середине ничего связного в повествовании не осталось. Или конец разочарует, – Я развёл руками.

– Что-то мне это напоминает, – Стася улыбнулась кончиками губ.

– И что же?

– Наш с тобой разговор, – Улыбка тут же слезла с её красивого лица.

– Ты права, – протянул я глухо. Я уже пожалел, что начал этот ненужный диалог. – Однако, с некоторыми можно даже не разговаривать, чтобы понять, насколько они отвратительны.

Резко развернувшись, я пошёл вниз.

Терзаемый злобой и досадой на самого себя, у самого спортзала я вдруг понял, что чего-то не хватает. В недоумении я ощупал руки, ноги, живот, и даже голову, когда дверь в каморку физрука открылась, и сам физрук – румяный здоровяк, не пробасил:

– Баб будешь в кладовках щупать. Где журнал, балбес?

– Одну секунду, Сан Саныч, – Я рванул с полуоборота, понесшись на четвертый этаж. В голове стучала мысль: хоть бы журнал был цел! Судя по всему, он остался там, на скамейке, рядом со Стасей. А она могла с ним сотворить всё, что угодно. Второй этаж, третий, четвертый...

Задыхаясь, я ворвался на лестничный пролёт, нос к носу столкнувшись с каштановолосой виновницей моего отвратительного самочувствия.

– Не запыхался, спортсмен? – Девушка насмешливо смотрела на меня.

– Где? – Я всё никак не мог отдышаться.

– Вот, – Стася протянула мне журнал. – В ценности и сохранности.

Я выхватил его из её рук, недоверчиво осмотрев. Девушка терпеливо ждала меня.

– Передай это физруку, будь добр, – Когда я чуть отдышался, она, достав из кармана юбки сложенный лист, протянула его мне.

– Хорошо, – буркнул я.

– Иди уже, – Она кивнула, давая понять, что разговор окончен. – Не то физрук ругаться будет.

– Какая трогательная забота.

– Что есть, то есть, – коротко усмехнулась Стася, поворачиваясь ко мне спиной.

Однако, уже спустившись на один пролёт, я услышал:

– А книга называется «Девятнадцать минут»¹ за авторством Пиколт. И она интересна.

– Ну ты, шмара! Эй, я с тобой разговариваю!

От Алтуфьевой – набитой деньгами и амбициями папенькиной дочки – прямо-таки пасло агрессией. Да и сама она являлась воплощением тупой животной ненависти к тем, кто хоть в чём-то ей уступал. Всегда окруженная преданно-собачьей свитой, такой же по духу, как и сама склочная девица, она унижала и бесновалась в собственной безнаказанности. И вот сейчас, она нависла над новенькой всей своей громадой – рослая Алтуфьева могла поспорить своим ростом с любым баскетболистом. Баскетболисткой она и была. Впрочем, оба этих факта Стасю, судя по её виду, не волновали.

– Алло, гараж! – Выведенная из себя таким отношением, Алтуфьева пнула ножку стула, на котором сидела Стася. По классу пробежал возбужденный шепоток, всё застыли, с интересом наблюдая за происходящим.

Я бегло осмотрелся: перемена только началась, как минимум половина класса уже успела убраться на обед. Не было и классной Елены Палны, по своему обыкновению уходящей в учительскую на чашку чая. С Алтуфьевой было две рослые девки из параллели, имен которых я не знал – склочница-баскетболистка явно была настроена на драку. А зная агрессивно-вспыльчивый темперамент Алтуфьевой, я мог с уверенностью сказать, что вырванным клоком волос дело не обойдётся.

«Что ей от неё надо?», – аккуратно отодвигая парту чуть в сторону, дабы та не мешала, когда всё закипит, думал я. Хотя ответ на этот вопрос был очевиден – пару сломанных ребер и выбитых зубов. Но по какому поводу?

– Ты что-то хотела? – Не глядя на Алтуфьеву, поинтересовалась Стася, крася губы и смотря в зеркальце.

– Пойдем поговорим, – рявкнула та, лапая плечо новенькой.

– Говори здесь.

– На толпу играешь, сучка? Думаешь, я тебя после школы не выловлю, и не выбью из тебя всё дерьмо? На входе, значит, такая борзая, а сейчас мнешься?!

Плечо Стаси задрожало мелкой дрожью, а сама девушка испуганно отпрянула назад, отложив помаду.

– Не оскорбляй меня, пожалуйста, – тихо попросила Стася.

Миг – и маска хладнокровия слетела с новенькой, на её лице заиграл неподдельный испуг. Я недоумевал – ещё совсем недавно непоколебимая новенькая теперь дрожала и заикалась.

– За что ты хочешь меня избить? – забито продолжила Стася, отводя взгляд.

– Было бы за что – вообще убила б, – Губы Алтуфьевой растянулись в злой улыбке – для неё наконец всё стало на свои места. – Ну, а так получишь пару раз в табло...

– А может... я извинюсь? Заберу свои слова обратно?

– Ещё ботинок тогда поцелуешь, – погано ухмыльнулась Алтуфьева, крепче вцепившись в плечо Стаси. – И так и быть, об тебя свои руки марать не буду – я-то думала, что ты нормальная девчонка, а ты всего-навсего сыкло, не умеющее отвечать за свои слова. Давай, шевелись – я ещё не ела.

– Хорошо, – легко согласилась Стася. – Но какие именно слова мне забрать?

– Ты чё, прикалываешься? – рявкнула склочница, качнув белокурыми локонами.

¹ «Девятнадцать минут» Пиколт Джоди – книга, поднимающая вопрос травли, целенаправленно направленной на одного из учеников школы маленького городка Стерлинг, закончившаяся «девятнадцатиминутной трагедией» – от пуля взявшегося за оружие затравленного парня гибнет множество сверстников.

– Ну, я много чего говорила, – На алых губах Стаси мелькнула коварная улыбка. – И про то, что ты тупое, недалекое животное, и про то, что ты впитала вкус дерьма с материнским молоком...

Судя по выпученным глазам застывшей Алтуфьевой, сказанное новенькой она слышала впервые. Стася же, впервые посмотрев в глаза оппонентки, хищно улыбнулась одними губами.

– Или что-то про половую тряпку вместо тампона? Впрочем, неважно, – Стася поправила волосы. – На правду не обижаются. И всё-таки, будь добра, отпусти моё плечо – иначе кровь у тебя польется уже из всех щелей.

Стася определенно была готова к удару: мягко извернувшись, она отвела руку атаковавшей её Алтуфьевой. Вцепившись в руку оппонентки, каштановолосая девушка завалила её на парту, а затем отработанным движением приложила склочную девицу, принявшись методично добивать её с помощью рук и парты. Все произошло настолько быстро, что никто не сумел толком ничего понять.

Первым очнулся я, принявшись оттаскивать разъяренную Стасю от не подающей признаков жизни Алтуфьевой. Стася, за малым не двинув мне, отошла в сторону, обыденным жестом поправив манжет на рубашке. Сильное волнение выдавали лишь дрожащие руки девушки. Шмыгая окровавленным носом и стоная, Алтуфьева сползла на пол.

Я мельком перехватил взгляд Стаси – из-под сбившихся на глаза каштановых волос меня окатила ядреная помесь гнева, возбуждения и холодного презрения.

Очнувшиеся от ступора подруги Алтуфьевой быстро уволокли её бездыханное тело из класса.

...Стася вернулась от директрисы в середине урока. Пройдя на своё место, она, ни на кого не глядя, углубилась в чтение. По случившемуся её больше не спрашивали – на фоне целой вереницы событий, произошедших позже, этот эпизод быстро померк.

– И тут эта уродина, одетая, как бревно...

«Когда же они заткнут свои покрашенные пасти?» – Я поднял свои красные от недосыпа глаза на компанию весело гогочущих одноклассниц, сидящих неподалеку за сдвинутыми столами. Шёл перерыв, и я, отказавшись от бесплатного обеда в пользу сна, отчаянно материл словоохотливых девиц. А ещё больше – того идиота, кто придумал обеденный перерыв длиною в час – куда лучше было спать на уроках, где помимо монотонного бормотания учителей ничто не мешало дремать.

«И чего им в столовую не убраться?» – Я сверлил тяжёлым взглядом смеющиеся лица. Но, наткнувшись на Стасю, сидящую во главе стола, сразу всё понял. В «хлев», как она называла столовую, Ясенева не ходила. А так, как сидящие вокруг неё не самые далекие одноклассницы во всём потакали ей...

Что и говорить – Стася могла найти язык абсолютно с кем угодно, и когда угодно. Даже постучавшись к тебе в половину второго ночи и попросив купить ей парочку ведерок шоколадного мороженого, она получила бы желаемое. Это я заметил в первую же неделю – на первых порах она общалась много и охотно, однако сама держалась особняком. Как если бы она приценивалась к людям, смотря, кто и что может, и чем будет полезен и интересен.

И люди потянулись к ней, особенно – после случая с Алтуфьевой. А она их сортировала. Из интереса, я посмотрел на её лицо: Стася совсем не слушала трёп собеседниц. Склонив голову на бок, девушка задумчиво изучала свои ухоженные ногти. Но стоило ей только сказать пару слов, как задние парты беспрекословно погрузились в тишину – одноклассницы смотрели ей в рот. Староста, как и я сверлившая «галёрку» тяжёлым взглядом, были исключением.

– Хей, я вернулась! – В класс ввалилась простодушная, как пятак, но симпатичная, как погожий сентябрьский день, Анюта Семиглазова, держа в руках набитый пакет.

– Тебя только за смертью посылать, – надменно нахмурилась Стася.

– Я старалась, как могла, ты же знаешь, – Анюта искренне и обезоруживающе улыбнулась. – Вот, как и заказывали: булочки с вишней, шоколадом, куриная кесадилья...

Заговорившись, Семиглазова боком зацепила парту. На сей раз, природная неуклюжесть сыграла с простодушной Анютой злую шутку: куриная кесадилья, предназначенная одной из девиц, хлопнулась на пол. Тишина валом ударила по ушам.

– Анюта, – притворно-задушевым тоном протянула Стася. – Не смей рожать, Анюта.

– П-почему? – Простодушная Семиглазова, очнувшись от потрясения, удивленно обернулась к Ясеновой.

– Тебе этими кривыми руками потом своих детей таскать, – Губы каштановолосой девушки растянулись в жестокой насмешке.

Сонливость мигом спала с меня. Даже несмотря на весь свой цинизм, это было уже чересчур – Стася сильно перегнула палку. Хотя она, судя по плотоядной ухмылке, так не думала. Не думали и зашедшиеся в похабном гоготе одноклассницы. Анюта же смотрела на неё широко раскрытыми, полными слёз глазами, как если бы Стася ударила её по лицу.

– Тебе пора, иначе останешься без еды, – заключила Стася, откинувшись на стул. – Ведь это, – Она указала на пол. – Был твой обед.

Как во сне, Анюта вышла из класса под хохот девиц. Сидящая позади староста, оторвавшись от журнала, ненавидяще смотрела на компанию за сдвинутым столом...

Уроки тянулись медленно, как плавленый сыр, а я всё думал о произошедшем на обеде. Косился на Анюту – та сидела, хлопая покрасневшими от слёз глазами, совершенно не следя за ходом урока. Я вспоминал выражение лица Стаси, и понимал, что на месте Анюты мог оказаться кто угодно. Я уставился на спину сидящей впереди каштановолосой девушки. Та, как ни в чём не бывало читала, словно произошедшее на обеде для неё – в порядке вещей.

– Всем спасибо, все свободны!

Я тут же вскочил. Впопыхах я покидал все своё имущество в рюкзак, но был остановлен девичьей рукой, крепко вцепившейся мне в плечо.

– Ну, чего ещё? – нетерпеливо бросил я.

– Забыл? – Оля Простая изогнула бровь. – Ты сегодня дежурный. А Ясенева вместе с тобой.

Иногда фамилия бывает говорящей, иногда – нет. В случае с Олей Простой, фамилия была насмешкой – или прикрытием? – над её тонким, словно лисий нос, изворотливым нравом. Держать ухо в остро – вполне себе нормальное состояние при разговоре со старостой. Спорить с ней тоже было зачастую бесполезно – какие бы аргументы ты не выставил, умная и смекалистая Оля, накидав лисьих петель, всё равно заставит тебя принять нужную ей точку зрения.

Шоколад, который я отдавал ей за домашние работы, исчислялся килограммами – сама Оля шоколад не переваривала, отдавая всё многочисленным младшим братьям и сёстрам.

Я тут же сник. Сегодня на работе у меня был выходной, и я уже представлял, как завалюсь домой...

– Ну, в каждой бочке мёда есть ложка дёгтя, – проворчал я, скидывая рюкзак.

– Ты уверена, что я дежурю сегодня? – Стася оказалась рядом со старостой, внимательно на неё глядя.

– Да, – Оля подняла на каштановолосую девушку свои серо-голубые глаза, утвердительно кивнув.

– По журналу ведь отмечаешь? – продолжала деланно миролюбиво расспрашивать Стася.

Вновь утвердительный кивок.

– А зрение у тебя хорошее? – Внезапно в карьер спросила Стася. Тон голоса зазвенел сталью. – Хочешь подправлю?

– На угрозы перешла? – Староста Простая приподнялась со своего места, сжав в руке карандаш.

Пристально следя за Ясеновой, она застыла в напряжении.

– Нет, на предложение, – облокотившись на парту, продолжала Стася. – На этой неделе я дежурила уже трижды. На той – дважды.

Воздух как будто стал вязким, липким из-за сгустившейся над классом угрозы. Я переводил взгляд то на одну, ту на другую девушку. Одно неровное движение, одно неосторожное слово – и в стороне мне остаться точно не получится.

– Я смеряюсь по журналу.

– А я смеряюсь по твоему лицу, если продолжишь в том же духе, – пообещала Стася. Она приблизилась к старосте, губы сошлись в тонкую полоску. – Я прекрасно видела, как ты сверлила меня гадючьим взглядом на обеде, когда я отбрила эту криворукую поломойку, как косо смотришь в мою сторону...

– Не понимаю, о чём ты, – словно отмахиваясь от назойливой мошкары, вставила Оля с непроницаемо-безразличным лицом, но Стася, игнорируя её, продолжала:

– ...Ты ведь раньше заводилой в классе была? – Девушка наклонила голову, колко улыбнувшись. – Птицу по полёту, а тебя – по соплям вижу. Так вот, слушай внимательно, – Улыбки как не бывало: тяжёлый, ледяной взгляд светло-голубых глаз смотрел на старосту. – Либо ты прекращаешь мне гадить, высказывая свои претензии в лицо, и мы с тобой разбираемся где-нибудь на задворках школы. Либо мы становимся закадычными подружками, которые сплетничают про парней.

Скрипнула открытая сквозняком дверь. Оля пытливо смотрела на Стасю, та отвечала ей пренебрежительно-ленивым взглядом. Однако, эта расслабленность была лишь видимой: девушка застыла, словно сжатая пружина, готовая разжаться в яростной атаке.

– Я свободна?

Ответом ей был настороженно-тяжёлый взгляд Оли.

– Сочту за «да», – подхватив сумку, Стася исчезла в дверном проёме.

– Ребят, верните...

– Чего? Тебе же сказали – ты еду пожертвовал бедным, – не переставая поедать содержимое пакета, промышчал Блинов. – Ведь сам отдал, а?

При этом к носу семиклассника был поднесён пудовый кулак. Я скривился, как от зубной боли – в последнее время они совсем обнаглели, отнимая еду прямо посреди бела дня. Шедший рядом со мной Коля Евстафьев остановился.

– Разве вы бедные? – испуганно отшатнувшись назад, спросил сжавшийся парнишка.

– А что, по нам не видно? – вновь промышчал провонявший дорогим парфюмом Блинов. Сидящие тут же «братишки» одобряюще загоготали. – Часики у тебя хорошие. Командирские? А ты чё встал?

Ощувив на себе сверлящий взгляд, верзила лениво повернулся в сторону застывшего Коли.

– Коль, – Я предупредительно сжал плечо Евстафьева. – Он же тебя провоцирует, этот мудака. Не стоит о такое говно руки пачкать. Пошли.

– Та чё ты, чё?! – Отвисшая нижняя губа Блинова дрогнула, обнажая ряд жёлтых от курева зубов. – Зассал?

– Не связывайся ты с ним, пошёл бы он нахер, – пыхтя, хрипел я, оттаскивая Евстафьева назад. Коля, скинув мою руку, резко развернулся и быстро пошёл по коридору, я побежал за ним. Вслед нам понёсся раскатистый хохот Блинова.

– Не могу я, – после продолжительного молчания, сквозь зубы процедил Евстафьев. – Не могу смотреть, как эта мразь над слабыми издевается.

– Их слишком много... – начал было я, но был прерван Колей.

– Да хоть тысяча! – гневно воскликнул он. – На месте того пацана кто угодно может оказаться. Моя сестра, её подруга, я, даже ты, если мы продолжим смотреть на это сквозь пальцы! Ты видишь, что они творят?! – Он махнул рукой назад. – Три дня назад они одного пацанёнка из шестого класса избили – головой об кафель! Он не хотел им карманные деньги отдавать... Ты видишь сейчас какие-нибудь разбирательства? Какую-то реакцию учителей?

Он ненадолго замолк, нервно крутя пуговицу на рукаве. Затем заговорил опять.

– Нас вызвали в кабинет директора. Блинова этого, ещё пару уродов, Ольку нашу, и я увязался. В кабинете уже сидели родители этого пацана, папики тех вырожденков и батя Блинова, участковый... – продолжал Коля. – Тот самый, кстати, с которым наша мыпра деньги на проводку сигнализации в школе распиливала. Классная наша всё бранила виновников, такую речь толкнула – суд присяжных бы расплакался. Директриса всё сидела, улыбалась так поганенько, сочувствующе, сокрушалась по поводу инцидента – шутка ли, пацан на больничной койке оказался! И что же? Всё свалили на «они же дети, гормоны бушуют, молодость, вы себя, что ли, в этом возрасте не помните?» Блинов-старший всадил оплеуху сынку, клятвенно заверив, что во всём разберется и восстановит справедливость. Как видишь, восстановил, – Снова кивок в сторону коридора. – А всё эта Ясенева, сука... Она там верховодит, а все стойло слушается. И её аппетиты растут.

Блинов, как и большинство его прихлебателей, учился в параллели и слыл отморозком. Нескладный, по самые уши заросший прыщами и курчавым щетинистым волосом, он значительно выделялся из толпы своим ростом и силой. Вся его внушительная фигура словно состояла из углов. Блинов был сыном местного участкового, который не раз отмазывал своего сынка от приводов в полицию. А они были частыми.

Первый раз, когда его прыщавая рожа появилась в дверном проёме класса, я сразу понял, что это не к добру. Вслед за ним из параллели, словно идя на зов Ктулху², зачастили ему подобные, в большинстве своём – бритоголовые парни с нашивками «Стоун Айленда»³ на плечах и подворотами на ногах, и не менее развитые особи женского пола. На обеденном перерыве, вся эта братия собиралась за последними партами, сдвигая столы. Оттуда нёсся звонкий голос Стаси, вокруг которой и цементировалась вся эта поганая диаспора. Мат, глумливые смешки и похабный гогот стойко зависали над классом.

Гурьбой они ходили курить на чердак, попутно заплывая пол, ломая парты и стулья. Расплываясь в клубах табачного дыма, Стася всегда находилась в центре своей стаи, распоряжаясь своим беспрекословным авторитетом как ей вздумается.

Просьбы вести себя тише игнорировались, а то и посылались матом. «Будущие члены общества» только входили во вкус. А начиналось всё с малого – излюбленной забавой братвы стало издеваться над младшеклассниками, отбирая у них еду и деньги. Поначалу скрытно, за углами и в туалетах, а затем прямо посреди дня.

И вот сейчас, проходя по коридору, мне оставалось только скрипеть зубами. Не сказать, чтобы я был трусливым, но... Это самое «но» на интуитивном уровне, этот инстинкт самосохранения собственной шкуры и разворачивал меня в последний момент. Как оказалось, в дальнейшем – не только меня это «но» останавливало собраться и разбить пару носов зажавшимся, только начавшим расходиться мразям. Это промедление и привело к последующим событиям, развивавшимся с угрожающей скоростью.

В классе воняло куревом.

² 2 Ктулху – представитель пантеона подводных, хтонических богов литературной вселенной Г. Лавкрафта «Мифы Ктулху». Ктулху своим тёмным зовом способен воздействовать на разумы людей.

³ «Stone Island» – итальянская компания, производитель одежды премиум класса. Символика одежды является опознаваемым атрибутом околоспортивной субкультуры (футбольные хулиганы), зародившейся в середине двадцатого века, в Англии.

«Им лень пройти пару шагов», – Я кинул презрительный взгляд в сторону «малины» за последними партами.

Окруженная шумом, криком, азартом, Стася сидела в центре стола. Рядом с ней сидел хорошо сложенный и смазливый лицом черноволосый парень со скучающей физиономией. Отвалившись на спинку стула, он о чём-то неспешно разговаривал со Стасей – та с интересом слушала его.

– Это ещё что за явление? – спросил я у Коли, незаметно указывая на собеседника каштановолосой девицы.

– Этот-то? Ковалёв. Он из параллели, – угрюмо глядя на задние парты, ответил Евстафьев. – Его батя в администрации района коноводит. Ловелас, филантроп и далее по списку – машина, деньги, квартира. В свои восемнадцать повидал девок не меньше, чем у тебя пальцев. Одни его туфли стоят дороже, чем все твои шмотки. А вон, правее Алтуфьева сидит – с ней ты уже знаком.

Гул над классом пронзила звонкая трель – никогда с таким упоением я не слушал звонок. Вся ватага принялась расходиться, шаркая подошвами по драному линолеуму.

– Ну что, Стась, погуляем сегодня? – Развернувшись у самого выхода, спросил Ковалёв.

– Не, давай послезавтра. Сегодня у меня тренировка.

– Ловлю на слове. Спишемся в «ВК».

Махнув рукой, Ковалёв скрылся. Мы с Евстафьевым переглянулись.

– Губа не дура, – только и присвистнул он.

Визг и гудение фритюра, глухой шум кофемашины, гул голосов в жарком мареве кухни – да, именно так выглядела моя работа под вечер пятницы.

Я началом лета я устроился в ресторан фаст-фуда рядом с метро, и даже с наступлением учёбы продолжил подрабатывать после уроков. Правда, гораздо меньше, имея пару смен в неделю.

Мой отец по меркам Москвы зарабатывал неплохо, работая геодезистом в Западной Сибири, вахтовым методом. Именно от него мне передалось желание уехать работать от законных в бетон улиц и проспектов столицы куда-нибудь в глушь.

В прошлом году мне надоело просить у родителей деньги, и я решил сам зарабатывать и удовлетворять свои потребности. Отец тогда, услышав от меня о моём желании, крепко хлопнул меня по плечу, сказав: «Молодец, Гринь. Это путь верный». И по-отечески улыбнулся, потрепав меня по голове. Мой отец не был многословным, и если говорил, то кратко, ёмко и исчерпывающе – я всё понимал сразу.

Сегодня для меня была короткая смена – уже повесив заляпанный фритюром и соусами фартук на крючок, меня окликнул Денис, мой коллега по кухне:

– Гриш, тут опять «Биг Смоук» приехал! Помоги с ним расправиться, а то край! – закидывая булочки в аппарат, он одновременно собирал бургеры на линии – работников на кухне, как всегда, не хватало. – Андрей на «обед» ушёл, а у меня не сто рук!

– Не ссы, Каштанка, решим все твои вопросы, – Я быстро нацепил фартук и перчатки. – Закидывай!

«Биг Смоуком»⁴ у нас называли семью, приезжающую под вечер несколько раз в неделю. Семья состояла из трёх человек – папы, мамы и дочки. Это была самая обыкновенная семья, если не брать в учёт того факта, что вместе они весили почти пол тонны. А может и больше. Это нисколько не смущало тяжеловесную семейку, и минимум два раза в неделю их машина

⁴ Биг Смоук (англ. Melvin «Big Smoke» Harris) – персонаж компьютерной игры «ГТА Сан Андрес». По инициативе данного персонажа игрок должен съездить в ресторан фаст-фуда, и заказать огромный заказ, продиктованный Биг Смоуком. Пищевая ценность заказа составляет около 9050 Ккал.

подъезжала к ресторану, после чего они заказывали столько всякой всячины, что пакеты с едой им выносило сразу несколько человек.

Заворачивая бургеры в упаковку, в такие моменты я размышлял. Всё это вкусно пахло, разгоняя рецепторы, имело аппетитный вид, но... постепенно убивало, откладывалось жиром на и без того заплывшие мышцы. И всё для того, чтобы потешить себя, «получить кайф». Я видел эту семейку – когда я начинал работать, они ещё подходили сами, огромные, неповоротливые, заплывшие.

«А теперь только в машине катаются, и всё туда же», – ухватывая щипцами сразу несколько говяжьих котлет, думал я.

Всё вокруг как будто склоняло человека к тому, чтобы надраться, нажраться, натрахаться – из всех щелей, со всех экранов об этом кричали. И это уже давно стало обыденностью...

– Всё, хватит на сегодня, – отправив последний чизбургер в зону сбора заказов, я утёр пот со лба. – Пока, кухня!

– Ну ты это... – деланно хриплым голосом, подытожил менеджер. – Заходи, если чё!

Быстро переодевшись, я вышел из ресторана. Позвонив Коле и предложив пересечься, я залез в трамвай, проехал пару остановок, а затем углубился вглубь дворов – Евстафьев жил рядом с местом моей работы.

Поднявшись на нужный этаж, я позвонил в дверь. Десяток секунд спустя щёлкнул замок, и из-за двери выглянула белобрысая головка.

– Коля сейчас выйдет, – прошептала Колина сестра Алиса, тряхнув белёсыми, повязанными бантами хвостиками. – Только посуду домоет...

Спустя десять минут, дверь открылась снова, и на пороге показался Коля Евстафьев собственной персоной.

– Ужин в сковородке, на плите, – крикнул он вглубь квартиры. – Сиди, учи английский – приду проверю.

– Вечно ты нудишь со своим английским, – высунувшаяся из-за угла девочка скорчила гримасу и показала язык.

– За ним будущее. Всё, я ушел!

– И вечно тебя ждать приходится, – крепко пожимая руку другу, пробурчал я.

– Обещанного три года ждут, – усмехнулся Коля. – Ты знаешь, все эти «помой-посуду-почисти-картошку», появляющиеся в самый ненужный момент.

– Да ладно уж, не оправдывайся – это я для приличия ворчу.

– Кто тут оправдывается? – Хохотнул Коля, открывая подъездную дверь. – В кои-то веки у тебя свободный вечер, который скоро перестанет быть томным. Пошли, тут в «Красно-Белом» хорошее пиво по акции. Поддерживаешь?

Я утвердительно кивнул.

Улицы стремительно погружались во тьму. Контуры смазывались, свет фонарей и загорающихся окон в домах манил своим недоступным теплом.

– Оглянуться не успеешь, как уже темно! – Выдыхая клубы пара, пробасил Коля.

– Ну так, не май-месяц, – Я аккуратно обошёл замерзшую лужу.

– А так хотелось бы. Люблю я весну, – мечтательно выдохнул мой друг. – Всё цветёт, и пахнет...

– Особенно хорошо пахнет заваленными экзаменами и «кожаной» обложкой военного комиссара.

– У кого чего болит...

– А ты куда хочешь после школы лыжи наострить? – поинтересовался я.

Хмыкнув, Коля некоторое время шёл молча. Так мы миновали сквер с притаившимся в его глубине реликтом прошлого – игральными автоматами, перешли оживленный проспект.

Коля всё молчал, задумчиво глядя перед собой. Затем начал хлопать себя по карманам, пока не нашупал пачку сигарет.

– Хочу куда-нибудь подальше отсюда, – прикуривая, наконец ответил он. – Не люблю я Москву. Многие сюда ломятся со всех сторон, как мухи на варенье. Город возможностей, блин, – Коля мрачно усмехнулся. – Хочу в геологи податься. Или как твой батя – в геодезисты. Я присвистнул.

– Полезешь недра изучать?

– Ну да, куда-нибудь за Урал, в Сибирь. Или на север, – по-молодецки повея плечами, ответил Евстафьев. – Пока молодой, хочу мир повидать. Мы, кстати, пришли.

И вправду – перед нами светилась знакомая красно-белая вывеска.

– А с чего такие вопросы? – Туша о перила окурков, поинтересовался Коля.

– Да так, подумалось.

– Ну, тогда лучше было бы поинтересоваться вот у них, – Евстафьев внезапно остановился, застыл в настроженном ожидании. Я шёл позади него, и не понял, что он имел ввиду. Вплоть до того момента, как дверь магазина, открытая с ноги, не впечаталась в стену. А из магазина повалила орава наших одноклассников и ребят из параллели, укомплектованная по самые закорки. Радостно галдя и гремя бутылками, они скатились по ступеням, не заметив нас. Провожая орущую братву, бодрой походкой устремившуюся к машинам, мы не заметили, как дверь открылась снова. Обернувшись, я нос к носу столкнулся со Стасей. Приталенное драповое пальто, хрустящий фирменный пакет с торчащей бутылкой дорогого вина, насмешливый колкий взгляд холодно-голубых глаз – без сомнения, она узнала меня.

– Стась, ну ты чего? – Держащий её под локоть Ковалёв нетерпеливо, словно конь, переминался с ноги на ногу. – Там у пацанов уже фляга свистит, тебя все ждут!

– Ничего, пойдём, – Спустившись по лестнице, они пошли по направлению к орущей ватаге, уже успевшей принять на грудь. Отойдя немного, она обернулась вновь – какая-то злая, как февральская вьюга усмешка играла на её губах. А может, мне попросту показалось.

– И когда они успели так близко спеться? Гляди, как почесали! – длинно и витиевато выругавшись, сплюнул Евстафьев. – Свинья везде грязь найдет... Погоди, я быстро.

Зайдя в магазин, через минуту Коля, злой до невозможности, вылетел обратно.

– Ещё и всё пиво по акции вынесли, сволочи!

Я же смотрел туда, где ещё совсем недавно маячило пальто Стаси, вспоминал острый взгляд из-под длинных ресниц, растянувшиеся в ухмылке губы, пьяных орущих братков и понимал: конфликт неизбежен....

2.

На улице было промозгло, несмотря на светящее сквозь жидкие облака солнце. Я медленно тащился в школу по знакомой улочке – после вчерашней, выматывающей смены я вернулся домой ближе к полуночи. Зевая, я услышал позади чью-то бодрую поступь: ко мне быстрым шагом кто-то приближался. Я обернулся, увидев Кольку Евстафьева. Уже подняв руку, чтобы поздороваться, я замолк: Коля был темнее штормовой тучи.

– Не с той ноги встал? – спросил я, на что получил отчеканенный ответ:

– Идём со мной. Сейчас будем кое-кого бить. Ногами, по лицу.

– Хороший настрой с утра пораньше, – стараясь догнать быстро идущего Евстафьева, попытывался я. – Объяснишь толком, кого и за что бить?

– Этот ублюдок вчера, после школы подкараулил в гаражах мою сестру, – Голос Коли звучал глухо, как из бочки. – Я его за плитусом хоронить иду.

– Я с тобой, – Я уверенно поравнялся рядом с ним. Без лишних слов и раздумий. – Давай ещё Долофеева позовём?

Коля не ответил. В молчании мы прошли остаток пути, вошли в школьные ворота. По пути я вооружился небольшим железным прутом, Коля довольствовался не пойми откуда взявшимся кастетом.

Спрятав под куртки оружие мести, мы миновали охранника. Ванька сидел в фойе, листал тетрадь. Я поманил его пальцем к себе.

– Мы идём выбивать из них дерьмо, – вкратце обрисовав ситуацию, Коля цепко взял его за рукав. Но он неожиданно дёрнул рукой. На наши вопросительные взгляды, Ванька, отводя глаза, ответил:

– Не, пацаны, я в полной завязке. Я и так на учёте из-за одного козла состою, а тут... Если где ещё засвечусь, то мне точно уголовка светит...

Коля с презрением смотрел на жмущегося, заискивающе улыбающегося Ваньку. Затем сплюнув, резко развернулся. Я рванул за ним.

Мы буквально взлетели на пятый этаж – руки дрожали от адреналина, сердце стучало кузнечным молотом. Сейчас я походил на сжавшийся комок нервов, ядреная помесь страха, возбуждения и гнева бурлила во мне. Сжимая в вспотевшей руке железный прут, мы почти бегом неслись по коридору. Как обычно по утрам, «малина» курила на чердаке. Вернее, на пяточке перед запертой на чердак дверью, где лежал всякого рода хлам: старые парты и стулья, сломанный инвентарь для уборки территории и помещений, вёдра... Когда мы вошли туда, вся компания только начинала собираться. Блинов был тут.

– Вам чё, фуфелы? Петушиный насест в другой стороне! – ощерившись, протянул отличающийся не самым большим умом ближайший собрат Блинова – Чеботарёв. Затем его взгляд упал на кастет на руке Евстафьева. – Э, ты чё...

Договорить он не успел – коротко размахнувшись, Коля мощным прицельным боковым двинул Чеботарёва. С утробным рыком, бугай побратался с грязным, заплёванным полом. Всего пару мгновений братва осмысливала произошедшее, а затем всё закипело, забурило в драке...

– Красавцы, ничего не скажешь! – Директриса, недобро улыбаясь, переводила взгляд то на одного, то на другого.

– Да они сами начали, Марина Евгеньевна! Зашли, как черти, и давай пацанов бить! – Прикладывая к напрочь заплывшему глазу лёд, басил Блинов. От Коли ему знатно прилетело по лбу, на котором запечатлелся пунцовый отгиск кастета.

– Вот этот – железную арматуру притащил, а этот урод – кастетом, – поддакивал Кирилл «Лизанный», размахивая куцыми, сильными руками.

– Кастетом?! – Брови директрисы поползли кверху. – Не школа, а колония! Ну что вы за люди, Евстафьев, что за люди?!

Мы мрачно смотрели на эту клоунаду, ожидая, когда они выскажутся. Смысла сейчас говорить не было – всё равно бы никто не стал слушать. Я иногда пересекался хмурым взглядом с Колей – тот сидел с перевязанной головой, облокотившись о стену.

«Да, наделали мы дел», – только и подумал я, глядя на орущих и беснующихся орангутангов, с ненавистью смотрящих на нас.

– Мы совершенно никак не оскорбляли их, Марина Евгеньевна, – Бросая на меня и Евстафьева косые, полные злобы взгляды, с видом угнетенной невинности говорила Стася. – Они просто вошли и... начали бить ребят. До крови, – Стася особо выделила последние слова.

С моих губ сорвался едкий смешок: я помнил, как она ударом ноги выбила у меня из рук железный прут, как наскочила на меня, принявшись разъярённо бить по лицу.

– Прежде чем вызывать ваших родителей и решать дальнейшую вашу судьбу, я всё-таки спрошу: по какой причине вы устроили эту бойню? – Директриса сурово нависла над столом. – Объяснитесь.

– Вот этот, – Коля указал пальцем на Блинова. – Вчера вечером, после уроков напал на мою пятнадцатилетнюю сестру за гаражами. Он угрожал ей, издевался, затем отнял телефон и деньги.

– Что ты несешь, вафлёр?! – вскинулся было Блинов, но был остановлен твёрдым обещанием Евстафьева:

– Сидеть. Если рыпнешься – я твои яйца тебе на подбородок натяну.

– Я попрошу следить за выражениями в моём кабинете! – вспыхнула директриса. – Сядь на место, Блинов. Ты тоже успокойся, Евстафьев. Так вот: почему же вы сразу не пошли ко мне? Я бы мигом... – Она бросила в сторону Блинова, а затем Стаси, какой-то неопределенный взгляд. – Решила проблему. Зачем было устраивать мордобой? На скамье подсудимых хотите оказаться?!

– Он бздит, ничего я не делал! – прерывая директрису, орал Блинов.

– Потому что это было бы бесполезно, – отрезал я, стараясь перекрыть вопли бритоголового орангутанга.

– Как это понимать?

– Прямо, Марина Евгеньевна. Вы прекрасно знаете, о чём я, – Я показал рукой на Блинова.

– Пальцем в меня не тычь, я тебе не Иван Кузьмич! – окатывая сидящих рядом подельников слюной, летящей из раззявленного рта, орал Блинов. – А вы ещё нахлебаетесь говна, мудаки. Мой батя вас надолго укатает...

– Так, сейчас все разошлись, – помассировав веки, заявила директриса. – После уроков чтобы были тут – с вами будет проведен разговор по душам с нашим участковым и следователем из ОВД. А сейчас разойтись.

Выходя из кабинета, я ощутил на себе полные ненависти и желания разорвать меня на части взгляды. Догнавший меня Блинов как бы невзначай задел меня локтем, негромко, но внятно пообещав:

– Вам крышка.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что после школы над нами учинили расправу. Шакалей стайей они окружили школьный двор, перекрыв все ходы и выходы – впрочем, с самого начала мы не собирались бежать. Да и какой в этом был смысл? А потому весь путь до гаражей мы с Колей прошагали с той мрачной гордостью, которая по обыкновению окрыляет идущих на плаху. Ноги были как ватные, от переизбытка адреналина меня пошатывало. Евстафьев же шёл с мрачной решимостью, и лишь сжатые в замок пальцы рук выдавали его возбуждение.

Они набросились без предисловий – всей стайей, не играя в благородство. Стоя спина к спине, мы дрались отчаянно и яростно. Но как печальный и вполне предсказуемый в таких случаях финал – мы оказались в грязи, избиваемые со всех сторон ногами. Сжавшись в клубок, я старался как-то уменьшить урон, что выходило плохо – удары градом ссыпались со всех сторон. Чей-то кроссовок прилетел мне в глаз – мир вспыхнул, как огромный пожар. Наконец, над бойней раздался крик-приказ:

– Стоять! Разошлись!

Удары прекратились. Обзору чертовски мешал заплывший глаз и налипшая грязь. Совсем рядом лежал хрипло дышавший Евстафьев с отеком лица. Я полагал, что мой видок был не лучше. Рядом, перешнуровывая перемазанные «ньюбэлансы»⁵, тяжело сопела братва. Надо мной склонилась, пожирая меня нездорово горящими светло-голубыми глазами, Стася.

– Ты мне кроссовки кровью испачкал, – Её голос звучал как-то хрипло, с придыханием.

⁵ Кроссовки «New balance» аналогично фирме «Stone Island» являются элементом отличия околоспортивной субкультуры.

Мысли медленно вращались в моей голове, и передо мной встала дилемма: просто послать её на мужской детородный орган, или ответить как-нибудь поостроумнее?

«Однако, здорово меня отбили», – мелькнула в голове отдаленная мысль.

– Молчишь? Ну и ладно, мне твои ответы не особо нужны, – Девушка коротко усмехнулась. – Однако, донесу до вас одну интересную мысль: это только начало. Вам жить не захочется – это я вам обещаю. Потому как с этого дня вы, считай, нелюди.

– Ты, что ли, человек? – Я смог приподняться в локте, заглянув в горящие слюдяные глаза Стаси.

– Сейчас, валяясь в грязи, ты менее напоминаешь человека, чем я.

– Человеком можно и в грязи оставаться, – Упираясь рукой в землю, я смог сесть. Еле ворочая языком, я говорил медленно, цедя слова. – Ну, а ты мразью при любом раскладе останешься.

– Ну что ж, – Стася встала. – Если выбирать «человечное» валяние в грязи и чистую юбку с вымытыми волосами, будучи мразью – я за второй вариант. Ну, а пока... – Её красивые, алые губы растянулись в издевательской гримасе. – До завтра.

Подворотня стремительно опустела. Кое-как подползя к Евстафьеву, я помог ему подняться.

– Нельзя нам такими домой идти, – заключил я, одной рукой придерживая Колю, второй – держась за стенку гаража.

– Согласен, – прохрипел Евстафьев в ответ. Его голова безжизненно повисла, сам он с трудом стоял на ногах.

– Пойдем в «макдак» – там в туалете можно будет отмыться от крови и грязи, и льду раздобыть.

Коля еле заметно кивнул, а затем крепко выругался...

– Ну так что? – Участковый угрожающе надвинулся на меня. – Будем дело на тебя заводить?

Я молчал. Смысла говорить не было: до справедливости, хотя какой там – до совести, обыкновенной человечности сидящих передо мной людей было не достучаться. И я отставил все попытки что-либо объяснить.

Хотя поначалу я пытался растолковать ситуацию школьному психологу – симпатичной женщине с быстрым, острым взглядом. К ней меня под эгидой «ты же воспитанным мальчиком был, учился хорошо, что же с тобой стало?», направили для проведения воспитательных бесед. Но, когда на втором сеансе она, качнув малахитовыми серьгами, сказала что-то вроде: «Все люди сами по себе неплохи. Быть может, проблема в тебе?», я больше не сказал ни единого слова. Молчанием я отвечал и на угрозы Блинова-старшего – лысеющего коренастого жлоба с близко посаженными глазками. Ни слова я не проронил и на многочисленных коврах перед директрисой. Пожалуй, единственным, кто искренне хотел мне помочь, была староста и инспектор из окружного ОВД. Как-то раз, когда я вышел из кабинета – как обычно измочаленный и уставший, он подошёл ко мне.

– Нелегко тебе сейчас, паря, – По-отечески потрепав меня за плечо, сказал он. – Вижу я, чем вся эта перхоть дышит, да сам по рукам и ногам связан. Однако, кое-что я всё-таки могу...

Инспектор порылся в кармане пиджака и, вытащив на свет божий визитку, вручил её мне.

– Эту гниль, Блинова, беру на себя. Дело на тебя он завести не посмеет, – продолжал инспектор. – За это ручаюсь. Если что – сразу звони. Ну, и это, – Мой собеседник замаялся, запустив пятерню в седеющую шевелюру. – Дерьмо случается, паря. Это надо перетерпеть. Сломаешься, дашь слабинку, и они тебя с потрохами сожрут. Так что крепись, и не сдавайся.

Крепко пожав мне руку, он удалился.

И вот сейчас, сидя напротив исходящего слюной участкового, я апатично смотрел в его красное, злое лицо. Рядом бесновалась директриса с психологом, осуждающе на меня смотрела моя мать.

Дома меня тоже ожидала головомойка, слёзы, истерики – её уже не в первый раз вызывали с тех самых пор, как началась вся эта история. И было отчего – Стася держала своё слово. Я стал часто просыпаться, ходил не глаженным – да и какой смысл был прихорашиваться, если в конце дня меня опять повалят в грязь? Моё лицо задубело от побоев, всё тело было раскатано вдоль и поперёк.

В определенные моменты, когда, казалось, силам было уже неоткуда взяться, мы поднимали свои руки, чтобы раз за разом быть поваленными на землю, избитыми, но... не сломленными. Жалость к самому себе я гнал в шею, и лишь злился, все больше и больше. За это время мы с Колей стали самым настоящим спаянным тандемом, иначе нам было не выжить.

И именно в таких условиях стали проявляться настоящие характеры тех, кого, казалось, знаешь уже не первый год. В повседневной жизни это было почти невозможно, но не сейчас, когда Стася, движимая желанием унижать и травить, поделила класс на гонящих и гонимых...

Пара одноклассников с подносами замерли перед нашим столом, затем резко развернувшись, двинулись к соседнему.

– Смотри, как засеменяли, – недобро ухмыльнулся Коля, сплёвывая.

– Я присяду? – прерывая Евстафьева, спросила Оля, ставя на стол поднос.

– Садись, конечно же, – ответил я, подвинувшись.

Поблагодарив, староста присела.

– А чего не с остальными? – хмуро поинтересовался Коля.

– Я вам мешаю?

– Нет, конечно же, – Евстафьев вернулся к ковырянию борща. – Просто тебе самой-то не страшно?

– Я – не все, – отрезала Оля. – Приятного аппетита.

И действительно – в классе нас сторонились, как чумных. Было лишь небольшое исключение в виде Оли и ещё пары человек. Класс словно отгородился от нас невидимой стеной. Причиной тому был страх оказаться с нами в одном положении, но...

– Да, приятного аппетита, – с издевкой в голосе поздоровалась Стася, проходя мимо. За ней уже семенила братва.

...На всякое действие есть противодействие. Так случилось и сейчас.

Стася взяла себе одну тарелку супа. Вопреки ожиданию, с торжественным видом она прошествовала мимо нас, прямо к столу, за которым сидело большинство наших одноклассников. Коля исподлобья смотрел на пасынков времени, проходящих мимо, я же интуитивно сжимал побелевшими от напряжения, вспотевшими пальцами вилку. Стоит ли говорить, что само появление Стаси в столовой могло означать только одно – она здесь далеко не ради еды.

– Привет, ребята. Всем приятного аппетита, – Грохнув поднос на стол, девушка приветливо улыбнулась. Рядом, проталкивая сжавшихся в ожидании нехорошего одноклассников, присаживалась братва.

– А пожелать приятного аппетита в ответ? – В дотоле дружелюбном голосе Стаси послышалась угроза. Отсюда мне было прекрасно всё видно и слышно.

– Приятного, – раздалось то тут, то там. Лица сидящих посерели, вытянулись, как если бы школьная братия увидела полусгнившего мертвеца.

Девица потянулась к ложке, принявшись преспокойно есть. Минута, две... Стася попросту обедала, как могло показаться. Но не мне.

«Ну да, спуститься похлевать борща в компании хмуро смотрящих по сторонам приматов», – Я отодвинул тарелку – аппетит пропал совершенно. – «Просто, рядом, по-соседски. И никакого подвоха».

– А чего это все так притихли? – внезапно спросила Стася, отложив ложку. – Когда я зашла, вы о чём-то так оживленно переговаривались, но сейчас все молчат.

Мои предположения оказались верны: до этого была лишь прелюдия к этому паскудному спектаклю. А тем временем, Ясенева, поправляя манжеты на униформе, продолжала:

– Класс – это как большая семья, в которой ни у кого не должно быть секретов. Верно, Вань?

Долофеев, к которому неожиданно обратилась Стася, вздрогнул.

– Да, – только и выдавил заметно побледневший Ванька.

– Ну, раз так... – Стася подняла свою наполовину полную тарелку, передавая её сидящему рядом Ковалёву. Тот, набрав побольше слюны, от души плюнул в борщ. Затем передал следующему. Гогоча, в тарелку высморкался Блинов, хихикая сплевывали туда и «девочки». Пройдя круг, тарелку с содержимым поставили прямо перед носом Долофеева, который бледнел всё больше. Один из сидящих напротив отморозков снимал всё на камеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.